

П.Б. Струве

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО БЫТА

Речь на диспуте 10-го ноября 1913 г.*

Работа, которую я предложил вниманию и суждению факультета, выросла на почве соединенных занятий *теорией* (здесь и далее разрядку текста автором мы заменили выделением курсивом. — Д. М.) политической экономии и *историей* хозяйственного быта. В теории она, отправляясь от анализа некоторых основных понятий, стремится обосновать чисто эмпирическую точку зрения на ту категорию, которую можно назвать *сгух*¹ политической экономии, на категорию ценности, преодолеть этот — по выражению *Готтля*² — «скрытый догмат» экономической теории. Не посягая на понятие субъективной ценности, заголовок, под которым в сущности рассматривается психологический процесс оценки, или ценения, мое рассуждение возводит то, что рассматривалось под наименованием объективной ценности, к цене, и таким образом упраздняет понятие объективной ценности как самостоятельное понятие и тем более как верховное понятие, выражающее какой-то «закон» политической экономии. Как эта критика понятия объективной ценности приводит меня к формулировке чисто эмпирического, статистического понятия ценности, подчиненного понятию цены, об этом я не буду сейчас распространяться — это достаточно явственно выражено и в моей книге и в предложенных вашему вниманию положениях, извлеченных из книги. Тем, что я основную категорию политической экономии усматриваю в цене, в понятии чисто и — да позволено будет так выразиться — откровенно эмпирическом, обозначающем факт, принципиально поддающийся статистическому уловлению, я выражаю свое понимание экономической науки как чисто эмпирической дисциплины, которая, по самому существу своего предмета, должна быть *построена и пере-*

* Печатается по: Струве П.Б. Теория политической экономии и история хозяйственного быта. Речь на диспуте 10 ноября 1913 г. // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. 1913. Т. 20. С. I-X.

строена на статистическом основании. Когда-то теорию издержек производства как основы ценности обвиняли в том, что она объясняет цены ценами. С точки зрения, на которой стою я в предлагаемой работе, в этом указании нет никакого обвинения, ибо — оставаясь на эмпирической почве — мы в политической экономии исходим из цен и возвращаемся к ценам. Цены, коренясь в психологических процессах ценения, образуют или прямо составляют доходы; из доходов же строятся капиталы, к которым школа *Вальраса*³ и американские теоретики экономически вполне правильно относят и землю. Теория издержек производства неудовлетворительна с этой точки зрения не тем, что она цены возводит к ценам, а тем, что она недостаточно решительно и последовательно рассматривает издержки производства как настоящие цены, т.е. как элемент принципиально переменный и подвижный, не только определяющий цены на рынке, но еще более определяемый ими.

Именно постановкой в систематическом центре эмпирической категории цены мои построения отграничиваются и от традиционной догмы, в основе которой лежит понятие ценности, как начала, регулирующего цены, ими управляющего, и от психологического субъективизма. Ценности объективной в основе цен нет, понятие ценности субъективной есть, с одной стороны, лишь преддверье политической экономии, с другой стороны дает лишь психологический комментарий к объективно-экономическому процессу образования цены.

Ясно, что с точки зрения центрального места, уделяемого эмпирической категории цены, все учение о доходах должно получить образ, одинаково далекий и от рикардо-миллевской догмы и от теории австрийской школы, и некоторые традиционные проблемы раскрываются как мнимые.

Итак, в теории я стремлюсь провести и обосновать решительный эмпиризм, подготовляющий превращение нашей науки в последовательную идеографическую дисциплину о подлинном хозяйстве, основной категорией и «мерой» которого должна быть цена, и тем оправдать идеал *Statistik-Werden*⁴ политической экономии. Я глубоко убежден, что таково на самом деле движение нашей науки и что мы уже стоим посредине этого движения.

На пути своей теоретической работы я встретил, вернее, из моего систематического анализа вытекала историческая задача: выяснение соотношения в истории между ценой вольной и ценой указной.

Не будучи юристом и филологом, я решил как экономист-систематик, но путем изучения первоисточников поставить и осветить основные вопросы этой проблемы. Я пошел в ученики к филологам и юристам — взялся за надписи и *Corpus juris*⁵.

Если я в чем недосмотрел и впал в ошибки, я прошу — не *pro domo mea*⁶ — снисходительно судить за это экономиста-систематика, отважившегося в такое плавание. Тут дело не может обходиться без ошибок, и я уверен, ошибки у меня имеются в достаточном количестве. В чем я уверен, так это в том, что я *должен* был пуститься в такое плавание, что это был для меня научный категорический императив. Ибо история хозяйственного быта может быть создана лишь соединенными трудами специалистов разных наук, которые все должны принудить себя к обязательной научной аскезе — работать по первоисточникам, каждый подходя к ним и выпрашивая их со своей специальной точки зрения. И одним из этих специалистов, который должен обязательно подходить к первоисточникам и, как это ему ни трудно, *more philologico*⁷ выпрашивать их, является экономист-систематик, занимающийся историей хозяйственного быта. Как бы трудна ни была для него работа в областях, в которых он не является специалистом, работа, которая превращается в «охоту на чужих полях», все-таки как экономист-систематик он внесет в коллективное научное строительство *свою* постановку вопросов, которую может дать *только* он.

Я не буду излагать здесь результатов моей работы над выяснением той специальной историко-экономической проблемы, которой посвящена значительная часть книги. Эти результаты формулированы явственно в самой книге и в предложенных вашему вниманию тезисах. Скажу только, что я ставил своей задачей монографические разведки в области, систематическое обследование которой с экономической точки зрения до сих пор не производилось. Мне казалось важным подойти к материалу именно с этой особой точки зрения, посылить осветить его или хотя бы даже только инвентаризировать.

Но когда я писал свою работу, как бы я ни уходил в детали, для уяснения которых мне приходилось преодолевать большие трудности, — над моей работой все-таки господствовала одна основная методическая мысль. К ней я постоянно возвращался, от нее постоянно исходил.

Мысль эту я могу формулировать в виде основного вопроса: *чем может быть история хозяйственного быта как самостоятельная дисциплина?* Почему в этой работе над первоисточниками, которой заняты филологи, чистые историки, историки-юристы, нужен историк-экономист, т.е. экономист-систематик и почему без него, т.е. без его деятельного и самочинного участия в работе над первоисточниками, эти самые первоисточники не скажут всего того, что они могут сказать об истории хозяйственного быта?

Здесь есть проблема. Это и есть проблема истории хозяйственного быта как самостоятельной дисциплины.

В создании элементов науки истории хозяйственного быта работали с начала XIX века главным образом историки и социальные философы. Значительно позже к ним присоединились экономисты. Сперва история и историческая социальная философия оплодотворила политическую экономию; затем началось оплодотворение исторической науки политической экономией.

В наше время совместная работа историков и экономистов над историей хозяйственного быта, работа над осмысливанием и углублением экономического изучения истории и исторического изучения хозяйственного быта в полном ходу. Идет борьба взглядов и методов, живое состязание личных сил. Крупные научные индивидуальности вложились в это дело и определили своим трудом его развитие. Достаточно назвать *Карла Бюхера*⁸, *Эдуарда Мейера*⁹, *Карла Юлиуса Белоха*¹⁰, *Макса Вебера*¹¹, *Георга ф.-Белова*¹².

В чем смысл, в чем основное содержание тех споров, которые велись и ведутся между историками и экономистами о разных эпохах хозяйственного развития? Дают ли эти споры что-нибудь для ответа на вопрос: чем может и должна быть история хозяйственного быта как самостоятельная дисциплина?

Попытаемся уяснить себе, к чему сводится суть этих споров. Постараемся быть беспристрастной стороной в этих раз-

ногласиях. А это значит — постараемся понять эти разногласия. Экономисты, и во главе их был великий экономист *Родбертус*¹³, когда они обратились к историческому материалу хозяйственной жизни древности, стремились понять экономику древности как особый уклад экономических отношений. Историки — и во главе их был гениальный историк *Моммсен*¹⁴, неизгладимая печать духа которого до сих пор лежит на всей науке об античной древности — в экономическом истолковании античной древности систематически сближали и сближают ее с современностью, являясь решительными модернизаторами. Тут мы нащупываем, в чем значение спора между историками и экономистами.

Экономисты создают для истолкования разных исторических эпох свои особые категории, систематические и исторические в то же время. Историки, отправляясь от впечатлений и идей современности, свободно распоряжаются своим материалом. Можно было бы сказать, что у них, поскольку они рассуждают о хозяйственной жизни прошлого, нет никаких систематических категорий, при помощи которых они упорядочивали бы свой материал. Но этого, конечно, нет. У них есть свои систематические категории, но они только не осознали эти категории как чисто исторические. Поэтому-то экономисты как будто в этом споре «историчнее», чем историки. Они историчнее потому, что они более систематичны. За это историки упрекают их в априорных построениях.

Кто же прав в этом споре?

Как это часто бывает, и в данном случае, мне кажется, на свой лад правы обе стороны.

Экономисты правы в том, что они подходят к историческому материалу с систематической точки зрения. Но правы историки, которые говорят, что историков систематические категории насилуют живую историческую действительность вместо того, чтобы объяснять ее. Знаменитый спор между *Эдуардом Мейером* и *Карлом Бюхером* кончился не в деталях, а в общем и целом победой первого, а не второго, ибо античную экономику оказалось совершенно невозможным втиснуть в знаменитую схему ойкосного хозяйства, которую *Родбертус* вычеканил с такой отчетливостью именно потому, что она предносилась ему, полному мыслей об экономической современности, о товарно-капита-

листоческом хозяйстве, как некий антипод этого современного хозяйственного уклада.

В чем же тут дело? Мне думается, что самый спор и его результаты наталкивают нас на правильный ответ. Очевидно, вообще противоречиво и несостоятельно понятие систематических категорий, носящих исторический характер, понятие, которым оперируют историки. И замечательно и конечно совершенно неслучайно, что, будучи логически несостоятельно, оно исторически безжизненно. Именно размышляя над спором между историками и экономистами о хозяйственном развитии древности, я пришел к убеждению, что история хозяйственного быта как самостоятельная научная дисциплина есть обработка исторического материала о хозяйственной жизни при помощи систематических категорий политической экономии, которые сами вовсе не суть «исторические» понятия.

Эту точку зрения в своей книге «Хозяйство и цена» я осуществил в построении типов хозяйственного строя как чисто систематических категорий, лишенных всякого исторического колорита. И тем не менее я убежден, что именно эти не исторические, а систематические схемы гораздо более удобны и плодотворны для *историка*, чем чисто исторические схемы *Бюхера*. Они более удобны и плодотворны именно потому, что, будучи чисто систематическими, они гораздо эластичнее и пластичнее всяких исторических схем.

В их основу положено ясное и точное понятие хозяйства, и они выражают те основные соотношения, в которых могут в любом обществе находиться между собой подлинные «хозяйства», из которых состоит общество.

Макс Вебер с замечательной зоркостью и меткостью указал, что основные понятия и конструкции т.н. абстрактной политической экономии логически относятся к тому же порядку научных образований (*Synthesen*), что и такие категории историков-экономистов как «ойкосное хозяйство», «городское хозяйство» и т.п.

Это одинаково — идеально-типические понятия. Понятие системы взаимодействующих хозяйств, которым, напр., оперирует экономическая теория, такое же идеально-типическое понятие как знаменитая категория экономистов-историков «го-

родское хозяйство». Оба эти понятия по блестящей характеристике Вебера суть теоретические утопии, полученные путем мысленного потенцирования некоторых определенных элементов действительности. В других терминах можно сказать, что и те и другие категории суть не отображения, даже не стилизация действительности, а логические построения, отрывающиеся от какого-либо единого принципа.

Я становлюсь последовательно на эту точку зрения, и строю на ней свое понимание истории хозяйственного быта как самостоятельной дисциплины.

Те категории, при помощи которых экономист-историк обрабатывает и истолковывает какой-либо разрез исторической действительности, суть именно теоретические «утопии». И они должны носить на себе явственную печать своего утопизма. Чем утопичнее они, тем это лучше, ибо тем менее их применение может насиловать историческую действительность.

В этом огромное преимущество открыто и последовательно построенных систематических категорий перед такими полуисторическими, полусистематическими понятиями, какими оперирует Бюхер. Совершенно ясно и не требует никаких доказательств, что никакая историческая действительность не соответствует ни одной из схем предлагаемой мною классификации типов хозяйственного строя. Между тем, сознательно или бессознательно, но такие схемы как «ойкосное хозяйство» или «хозяйство городское» ставились и ставятся на место картин исторической действительности. Бюхер подчеркивает, что он строит свои схемы как экономист-теоретик, но его схемы в то же время совершенно очевидно суть схемы чисто исторические, или генетические. В основе понятия «городское хозяйство», напр., лежит вовсе не систематическое понятие города, а совершенно определенный образ средневекового города. И однако эти исторические категории должны нести непосильную для них теоретическую службу. Что-нибудь из двух — либо теоретическая утопия выдает себя за отображение действительности, либо чисто историческая схема притязает на систематическое значение. Но и то, и другое несостоятельно.

Последовательное применение систематических категорий политической экономии — и притом принципиально *всех* — к

истолкованию исторических разрезов действительности имеет, на мой взгляд, основное значение для истории хозяйственного быта как самостоятельной дисциплины. Это значение заключается в том, что именно такое взаимодействие теории и истории — и только оно — пресечет в корне всякую возможность насилия теории над историей, идеально типических понятий и конструкций над реальным многообразием и многоцветностью действительности. Эта точка зрения предохраняет от пагубного отождествления систематических идеальных схем с историческим заполнением их в конкретной действительности.

Это чрезвычайно важно — одинаково важно и для историка, изучающего хозяйственный быт, и для экономиста, истолковывающего историческую действительность. Ибо при таком «чистом» применении подлинных систематических категорий для истолкования хозяйственного быта становится вполне ясно как от них еще далеко до исторического заполнения всем богатством и многообразием действительности. Когда *Бюхер* признаком, характеризующим разные ступени хозяйственного развития, выставил длину пути, проходимого продуктом из хозяйства, производящего продукт, в хозяйство его потребляющее, и подчеркнул удлинение этого пути, характерное для современной стадии народного хозяйства, автору «*Entstehung der Volkswirtschaft*»¹⁵ было справедливо указано, что переход благ от производителя прямо к потребителю в высокой степени характерен именно для некоторых самых современных отраслей промышленности. В самом деле, по длине проходимого пути могут быть правомерно сравниваемы на разных ступенях в сущности только приблизительно одинаковые продукты, удовлетворяющие одинаковые потребности: обезличенные в систематической категории товара эти приблизительно одинаковые продукты подтверждают тезис об удлинении пути. Но историческую действительность это схематическое наблюдение не отображает и не изображает, ибо для исторической действительности существенно все качественное и количественное многообразие реальных явлений. Длина пути, проходимого локомотивом или скоропечатной машиной от производителя к потребителю, с переходом от «городского хозяйства» к «народному» не удлинилась, ибо в городском хозяйстве просто не существовало таких вещей как локомотивы и скоропечатные машины. Между тем эти

новые вещи и им подобные, ни в какую систематическую схему по своей качественной определенности не укладываемые, для изображения исторической действительности не менее существенны, чем абстрактный признак: длина пути.

Итак, чем «утопичнее» идеальный тип, или систематическая схема, тем менее она насилует действительность, ибо тем яснее: 1) что в каждом разрезе действительности сплетаются и переплетаются элементы разных систематических построений, 2) что качественное и количественное многообразие всего исторического заполнения действительности вовсе не может быть уловлено никакими схемами. Отсюда ясно, что и «модернизация» отдаленных от нас эпох, в которую часто впадают историки, незаконна, поскольку в ней совершается бессознательная и некритическая, смутная подстановка некоторых систематических категорий на место исторических картин. Такие идеально-типические конструкции современности как капитализм, империализм, даже такие понятия как меркантилизм, должны быть с величайшей осторожностью и опаской переносимы из той исторической среды, которая сама сформулировала эти понятия как ходячие обобщения действительной жизни, в среду, которая этих обобщений не знала. Здесь принципиально совершается та же ошибка, как и при построении исторических (систематических) категорий, подобных схемам *Бюхера*.

Такова та основная методическая мысль, которая руководила мною в моих исследованиях по истории хозяйственного быта, мысль, которая совершенно не совпадает с традиционным историзмом исторической школы в политической экономии.

Вот те самые общие идейные мотивы, которыми определено основное содержание предлагаемой работы. Как экономист-систематик я стремился последовательно провести чисто эмпирическую точку зрения. Как экономист-историк я стремился выдержать чисто систематическую точку зрения.

В какой мере мне это удалось, судить, конечно, не мне.

Примечания

¹ Сгух (англ.) — главный, основной вопрос.

² Готтль-Отглицлиенфельд Фридрих фон (1868–1958) — немецкий экономист.

³ Вальрас Леон Мари Эспри (1834–1910) — швейцарский экономист, основатель Лозаннской школы в экономической науке.

⁴ Statistik-Werden (нем) — в контексте статьи: «статистическое происхождение» (политэкономии).

⁵ Corpus juris (лат.) — свод законов.

⁶ pro domo mea (лат.) — в защиту моего дома, в значении: в личных интересах.

⁷ more philologico (лат.) — по обычаю, традиции филологии.

⁸ Бюхер Карл (1847–1930) — немецкий экономист, историк народного хозяйства.

⁹ Мейер Эдуард (1855–1930) — немецкий историк древнего мира.

¹⁰ Белох Карл Юлиус (1854–1929) — немецкий историк античности.

¹¹ Вебер Макс (1864–1920) — немецкий социолог, историк, экономист.

¹² Белов Георг фон (1858–1927) — немецкий историк, специалист по экономической истории Германии.

¹³ Родбертус-Ягцов Карл Иоганн (1805–1875) — немецкий экономист, историк.

¹⁴ Моммзен Теодор (1817–1903) — немецкий историк, филолог-классик, специалист по истории Древнего Рима.

¹⁵ «Entstehung der Volkswirtschaft» — имеется в виду наиболее известная книга К. Бюхера «Возникновение народного хозяйства», неоднократно переведившаяся и издававшаяся на русском языке, в том числе и под названием «Происхождение народного хозяйства».

Публ. и прим. Д.Я. Майдачевского